

Моск. Малый театр.

„1917 год“.

Слева направо: Фохт—генерал Алексеев, Рыбников—Керенский, Айдаров—барон Фредерикс.

принимательского характера,—конечно, в счет не идут. Мы не имеем еще ни одной школы, курсов или техникума оперетты и эстрады. Меж тем, нужно ли доказывать, насколько оба эти жанра по своей впечатляемости, по своей доступности, являются, по крайней мере, могут быть и должны явиться наиболее массовыми. Если в области эстрады еще есть хоть самотеком какая-то смена (увы, в большинстве весьма мало удовлетворяющая), то на опереточной сцене ее совсем не видно. Необходимость опереточно-эстрадного (или опереточного и эстрадного) техникума декларировалась не раз и ЦК Всерабиса и Главпрофобром, но реальной плоти эти декларации до сих пор не получили. С чего начать? Надо одному из музыкальных техникумов дать целевую установку на опереточного актера. Надо для начала в одном из центральных театральные техникумов оборудовать эстрадный факультет. Ленинградский ИСИ (Институт Сценического Искусства) сейчас как будто производит такой опыт. Но целесообразнее было бы такой факультет организовать при Мо-

сковском Цететисе (бывш. Гитис), где есть широко-поставленное вокально-музыкальное отделение.

Имеется еще «Мастерская циркового искусства» (Мадис) в Москве при управлении Госцирками, но говорить о ней еще преждевременно, подождем ее первой продукции, первого выпуска.

* *

Таковы итоги нашего художественно-профессионального образования. Большие ли здесь достижения? Да большие, если принять во внимание, что мы впервые стаскиваем искусство с того мешанского Олимпа, куда его втащила старая культура искусства-религии, искусства-тайновидения, искусства-осенения. Мы впервые формулируем объективно-научное приятие искусства, как общественного фактора и производственной дисциплины. Это определено—революция в профессионально-художественном образовании.

ЭМ. БЕСКИН.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СМОТР ИСКУССТВ

ВЫСТАВКА ИСКУССТВА НАРОДОВ СССР

В связи с Октябрьскими торжествами Государственной Академией Художественных Наук открыта в Москве большая выставка—«Искусство народов СССР». Выставка эта охватывает три отдела—изобразительного искусства, кино и театра, литературы на национальных языках и кустарного творчества и художественной промышленности.

Впервые в истории русского искусства Москва увидела у себя художественную продукцию национальностей СССР; впервые под одной кровлей произошел смотр и смычка творческих усилий больших и малых народов нашего Союза; впервые перед нами открылась наша внутренняя, неведомая «Америка»—богатейшие залежи художественной руды, рассыпанные по всему необъятному пространству нашей страны, от Дальне-Восточного края и до Белоруссии, от Новой земли и до Ташкента. Впервые увидели мы, как широк, пестр и многообразен фронт нашего искусства. И отныне мы обя-

заны уже говорить не о русском только искусстве, а об искусстве всесоюзном.

До сих пор мы видели, главным образом, народное, безымянное, «кустарное» творчество СССР, и в результате этого у нас сложилось абсурдное представление: выходило так, словно у нас картины, а на Кавказе только.... ковры, словно у нас искусство, а во всей остальной стране только.... индустриальное производство. Выставка, открытая ГАХН, этот вопиющий пробел в нашем знании восполняет; она показывает, что многие народы СССР уже переросли стадию безымянного творчества, уже вышли из периода примитивной «этнографии» и «экзотики», уже вступили на путь большого квалифицированного искусства.

Нужно ли говорить о том, что всем этим мы обязаны Октябрю. Именно Октябрь послужил стимулом к национально-культурному возрождению народов СССР. До революции наша страна в ху-

дожественном отношении представляла собою пустыню с двумя оазисами—Петербургом и Москвой. Все, что было лучшего в стране, стремилось сюда и здесь поглощалось и нивелировалось; но еще большее количество культурных сил прозябало в провинции, «заедалось» провинциальной «средой». Всякие краевые, национальные тенденции считались проявлением «крамолы». Средние художественные «училища», существовавшие в Пензе, Одессе, Киеве, Казани, навязывали «местам»... московский строгановский стиль. Октябрь, давший свободу национального самоопределения и уравнявший большие и малые народы Союза, создал почву, благоприятную для пробуждения краевого и национального творчества. От уродливой культурной централизации, от художественного империализма мы перешли к децентрализации культуры, к ее прорастанию во всей стране—от хладных финских скал до пламенной Колхиды. Именно эти новые победы и отразились на выставке «Искусство народов СССР».

В первом этаже выставки, в помещении Вхутемаса, перед нами целый ряд краевых и национальных художественных обществ (Об-во художников Урала, Всебелорусское объединение художников, Об-во художников Грузии и Армении, Ассоциация Революционного Мастерства Украины, и др.), все они—плод последних послеоктябрьских лет. Во втором этаже выставки перед нами целая амфилада художественных школ—Грузинская Академия Художеств, Киевский Художественный Институт, Художественные Техникумы Казани, Омска, Ярославля, Баку, Эривани, Витебска и т. д. Вся эта сеть художественных школ—детище Октября.

Но выставка демонстрирует не только организационные достижения Октября, она обнаружи-

БССР. Засл. худ. Витебщины Ю. Пэн. „Еврей“.

вает и внутренние результаты десятилетия. Я разумею тематику большинства художественных работ. Это не прежние, бесконечно провинциальные, чеховские настроенности—это нечто гораздо более широкое и значительное. Природа, быт, борьба народов СССР—вот что интересует художников. Беря в руки кисть, многие народы говорят прежде всего о том, что у них наболело—о забываемых языках старого режима или незабываемых потерях гражданской войны. Чуваши и башкиры изображают «подвиги» царских сатрапов; кавказцы изображают свое достижение—загэс и т. д. Это преобладание общественной тематики придает выставке, несмотря на всю пестроту ее национальных стилей, характер единого советского фронта.

Формальный уровень выставки, конечно, неодинаков. Наряду с утонченным высококвалифицированным искусством Украины и Закавказья, имеющим за собою давние традиции, мы видим здесь первые еще робкие шаги тех народов, которые только теперь приобщаются к культуре—башкир, чувашей и др. Но это ничего—они подтянутся, они догонят. Громадное значение выставки заключается именно в том, что она дает возможность художникам не только соревновать друг с другом, но и учиться друг у друга.

Вот почему хотелось бы, чтобы этот первый опыт всесоюзного смотра искусств не прошел бесследно, чтобы эта выставка дала начало периодической и передвижной выставке художников СССР, дабы она привела к дружному кооперированию всех творческих сил нашего Союза.

Два года тому назад АХРР устроила выставку «Жизнь и быт народов СССР». В те времена эта выставка, явившаяся плодом первой вылазки москвичей «на места», многим показалась чудом. Теперь мы достигли еще большего «чуда»—эти самые «места» пожаловали к нам, в столицу СССР, и мы должны сказать художникам-националам:

— Добро пожаловать!

Я. ТУГЕНДХОЛЬД.

УССР. В. Пальмов. «Красное Знамя» (масло).

Решение

Театр Кино Цирк Жигарда

№ 46 (88)

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

29. XI. 1927

Blaue Bluse. U. S. S. R.—Deutschland. Синяя Блуза. Показательная поездка по Западу.—„Стрелковые частушки“ (худ. Н. Айзенберг).

Музыка Иза Фроа

Рабис

„RABIS“, ORGANE HEBDOMADAIRE du COMITÉ CENTRAL de la FÉDÉRATION
des TRAVAILLEURS des ARTS de L'URSS

МОСКВА, СОЛЯНКА, 12.
Дворец Труда, 203

LA REDAKCIO KORESPONDAS
EN LINGVO INTERNACIA
ESPERANTO

MOSCOU, SOLIANKA, 12,
Le Palais du Travail, 203

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 1 год — 6 р. 50 к., на 1/2 года 3 р. 40 к.,
на 3 месяца 1 р. 80 к.

ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, Солянка, 12, Дворец Труда, 203,
«Рабис».

№ 46 (88)

ОРГАН Ц. К. ВСЕРАБИСА
ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

1927 г.

ИЗДАН ИМ. Н. А. НЕКРАСОВА

Отдел хранения фондов

НАШЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

В области профессионально-художественного образования общую линию, которая была взята сразу и остается неизменной и до сих пор, надо охарактеризовать, как производственный уклон. Это означает два основных момента: 1) материалистическое понимание искусства, проще марксистский подход к нему и 2) связь академического курса с живым производством. Сюда же еще надо отнести и связь с советской общественностью через работу, главным образом, в клубах. Оставаясь, как я уже сказал, неизменным, такой производственный уклон менялся в своем содержании, а отсюда и в методах. От крайнего утилитаризма, почти сливавшего искусство с индустриальным производством (особенно по линии Изо — категорическое отрицание станковой живописи и замена ее художественной «вещью») до теперешнего реально-производственного понимания искусства, как эмоционального организатора средствами художественного воздействия нового человека в системе новых общественных отношений.

* * *

Наиболее бурно протекал этот процесс, как я уже только что отметил, в области так называемых (и очень неправильно называемых) изобразительных искусств. Здесь новые общественные отношения, новый быт давал себя знать особенно настойчиво резкой переоценкой значения «картины», предназначенной для украшения стен жилища. Прежняя дорогая картина, украшавшая стены барских квартир и особняков, естественно потеряла в своем спросе. И возникал вопрос — куда же применить мастерство живописца. Ответ был категоричен — на производство вещи. В этот период и возникают «производственные» факультеты ВХУТЕМАС'а, понимавшиеся тогда, я уже

отметил это, чисто индустриально. Как сдвиг и необходимый сдвиг это было в те годы, несомненно, явлением поступательным, положительным, несмотря на то, что оценка положения и организационные выводы делались крайние. Постепенно они сглаживались и на ходу, среди горячих споров, дискуссий и экспериментов, привели ВХУТЕМАС к здоровому производственному курсу, дающему художника и в разные области промышленности — полиграфическую, текстильную и др., и на стройку нового здания с его требованиями монументальной фрески и сохраняя в то же время в нужных рамках и станковую живопись, как дрожжи для новой переоценки живописных задач. Богатый выводок новых художников-конструкторов дал ВХУТЕМАС театру, играя тем самым большую роль в создании нового театрального стиля. Если в области Изо еще и нет строгого единства педагогической методики, во всяком случае пути для нее расширены, цели намечены.

* * *

Значительное число высоко-квалифицированных музыкантов выпускают наши музыкально-учебные заведения, особенно московская и ленинградская консерватории. Прошлой зимой на международном конкурсе пианистов в Варшаве первый приз получил только что окончивший консерваторию пианист О б о р и н. Но, к сожалению, переоценки старого культурного наследия здесь гораздо меньше, чем в области Изо. Бытие определяет сознание — здесь рынок потребления не диктует столь властно, как там, поскольку и самый продукт музыкального искусства сравнительно беспримесен, беспрограммен, бессюжетен. Конечно, нельзя